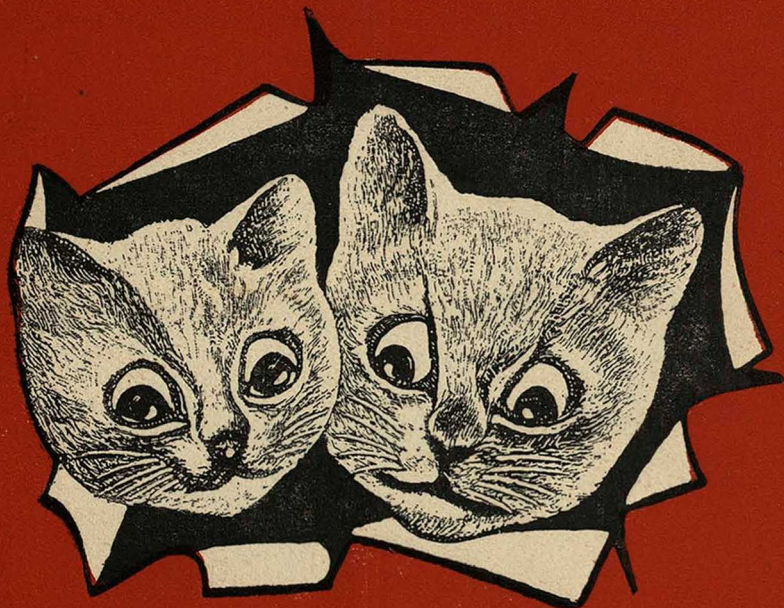

Годъ изданія шестой.

ЮЛЬ.

№ 17.

1913.

ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО

ЖУРНАЛЬ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

СОДЕРЖАНІЕ:

ВЕЧЕРНЯЯ ТИШЬ (стих.),
ПОХОЖДЕНІЯ МАЛЕНЬКОЙ
ИРЕНЫ (повѣсть).
ВЪ ХОЛОДНЫЙ ДОЖДЬ (стих.).
ИСТОРИИ О СОБАКАХЪ.
СКАЗКА О ДОБРОТѢ.
ГОЛОВОЛОМКИ.
РЕБУСЪ и проч.

ПРИЛОЖЕНІЕ:

№ 17. Июль, 1913.

Годъ издания VI-й.

Два раза въ мѣсяцъ.

Золотое Дѣтство.

ЖУРНАЛЪ ДЛЯ ДѢТЕЙ.

Въ лѣтній полдень.

„Ирена умерла отъ скарлатины“.

А потомъ она купила себѣ траурное платье, надѣла черную шляпу съ длиннымъ чернымъ крепомъ и отправилась въ Римъ.

Получивъ телеграмму о смерти Ирены, старая графиня вдругъ зарыдала и въ безсиліи опустилась въ кресло. Сердце у нея забилось, всѣ ея мечты оказались разбитыми и судьба неожиданно приготовила ей такой тяжкій, невыносимый ударъ.

— Бѣдная дѣвочка! зарыдала она. — Моя маленькая, дорогая Ирена! Какъ я желала тебя увидѣть, какъ я безумно тебя ждала! Лучше-бы умерла я за тебя! Бѣдная, бѣдная твоя мать!

И она горячими поцѣлуями покрывала портретъ Ирены.

Цѣлые два дня старая графиня Сюзанна не могла успокоиться и все плакала и горевала безъ конца. Теперь для нея было понятно, почему ни на одну изъ ея телеграммъ не было отвѣта. Очевидно, за болѣзнь Ирены бѣдняжка Рената сбилась съ ногъ и ей было не до телеграммъ. Конечно, Рената приѣдетъ къ ней въ Римъ и онѣ будутъ жить вмѣстѣ и будутъ вмѣстѣ оплакивать безвременную потерю Ирены. О, съ какой любовью старушка прижметъ къ своей груди эту несчастную мать и вдову, въ такое короткое время лишившуюся сразу мужа и дочери! Какъ она постарается облегчить ея горе

и устроить ея дальнѣйшую жизнь такъ, чтобы она никогда уже и ни въ чемъ не имѣла нужды!

И вдругъ ей доложили:—„Графиня Рената Берто!“

Боже мой, какое громадное, необыкновенное, радостное счастье! Старая графиня Сюзанна обрадовалась, схватилась рукою за сердце, вскочила съ кресла, потомъ опять сѣла и еле имѣла силъ произнести:

— Просите! Просите скорѣе! Пусть войдетъ!

Въ гостиную вошла дама, одѣтая въ трауръ, съ простенькой сумочкой въ рукахъ и остановилась въ нерѣшительности у дверей. Это была Джемми.

— Рената! воскликнула старая графиня и слезы брызнули у нея изъ глазъ.—Дорогое дитя мое!

— Мама! съ притворной радостью воскликнула и Джемми.— Милая, дорогая мама!

И онѣ бросились другъ къ другу въ объятія. Онѣ плакали, старались излить свое горе по поводу потери Ирены и въ то-же время графиня испытывала искреннюю, безграничную радость, что къ ней приѣхала ея невѣстка, вдова ея единственнаго, умершаго на чужбинѣ сына. А когда прошелъ первый приступъ радости и обѣ графини отерли наконецъ свои слезы, то онѣ сѣли рядомъ и стали разговаривать. Старая графиня Сюзанна задавала вопросы; Джемми

старались на нихъ отвѣчать, показывала ей портретъ Джерома и Ирены и письма, которые находились въ похищенной ею у Ренаты сумочкѣ, и хотя старая графиня нисколько не сомнѣвалась въ томъ, что это дѣйствительно была ея невѣстка, тѣмъ не менѣе съ первой-же минуты свиданія ее поразила сбивчивость отвѣтовъ Джемми и порой разнорѣчіе въ событіяхъ и числахъ, которыя отлично помнила старушка и которыя совершенно не были извѣстны Джемми. Но она не придавала этому значенія.

„Это у нея, бѣдняжки, отъ горя“, рѣшила она.—„Все потому обойдется!“

И онѣ зажили потомъ душа въ душу. Джемми старалась показать изъ себя преданную, любящую дочь, старушкѣ давно уже надоѣло одиночество и ей было приятно видѣть около себя близкаго, родного человѣка—и она раскрыла свою душу передъ самозванкой и сдѣлала ее полной хозяйкой въ домѣ. Этого только и нужно было Джемми. Она старалась припрятать себѣ на черный день какъ можно больше денегъ, но дѣлала это такъ хитро, что графиня Сюзанна не могла этого замѣтить, а только поднимала глаза кверху и то и дѣло втихомолку повторяла:—

— Славу Богу! Теперь я не одна! Богъ послалъ мнѣ нѣжную, преданную дочь.

А на эту дочь временами находили приступы тяжелого безпокойства. Ни одной ночи она не могла уснуть спокойно, она вздрагивала отъ каждаго звонка и все ей казалось, что вотъ-вотъ явится настоящая графиня Рената, которая обличитъ ее и сниметъ съ нея маску самозванной графини.

— Что, если она вдругъ явится сюда сама? ужасалась она.

И, чтобы избавить себя отъ этихъ мученій, она притворилась скучной и больной.

— Кажется, ты стала о чемъ-то тосковать, Рената? обратилась къ ней старая графиня Сюзанна.

Вмѣсто отвѣта Джемми разрыдалась и бросилась къ графинѣ на шею.

-- Мнѣ такъ тоскливо безъ маленькой Ирены, мама! воскликнула она.—Я такъ хотѣла-бы развлечься сама и развлечь, мама, и тебя!

— Такъ развлекись, дитя мое! охотно отвѣтила графиня. — Если нужно денегъ, то ихъ не жалѣй, трать сколько угодно!

Джемми снова бросилась ей на шею.

— Мама, поѣдемъ въ Парижъ! сказала она.— Тамъ, говорятъ, весело; тамъ много музеевъ и картинныхъ галлерей! Мы осмотримъ тамъ все, развлечемся немного и я хоть сколько нибудь забуду свое горе!

Графиня Сюзанна подумала. Ей стало жаль молодую женщину.

„Въ самомъ дѣлѣ“, подумала она.—„Почему-бы намъ и не поѣхать вмѣстѣ въ Парижъ?“

И она спросила ее громко:

— Ты говоришь, Рената, — въ Парижъ?

— Да, мама, въ Парижъ! отвѣтила Джемми.

— Ну, въ Парижъ, такъ въ Парижъ! И чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше! Прикажи укладывать сундуки!

Джемми засмѣялась отъ радости и выбѣжала въ сосѣднюю комнату. Она была внѣ себя отъ восторга. Ея хитрость ей удалась вполнѣ.

На слѣдующій-же день онѣ выѣхали изъ Рима въ Парижъ, а сорокъ часовъ спустя, уже прибыли туда и поселились тамъ въ лучшемъ номерѣ самаго лучшаго отеля.

А въ это самое время, далеко отъ Парижа, на самой окраинѣ Бреста, на травѣ лежалъ несчастный, изнемогшій отъ усталости музыкантъ и крѣпко прижималъ къ своей груди тоже потерявшую сознание Ирену. Оба не двигались и походили на мертвыхъ. Выглянуло солнце, высушило на ихъ лицахъ росу и пригрѣло ихъ, а они все не шевелились. Между тѣмъ шли рабочіе въ сосѣдній виноградникъ. Увидавъ лежавшаго на травѣ нищаго съ дѣвочкой на рукахъ, и обоихъ безъ чувствъ, они подумали сначала, что это усталые путники легли отдохнуть и спать. Но такъ какъ трава принадлежала

Жаку, который долженъ быть ее косить, то они сочли, что путники мнутъ чужую траву, и стали ихъ будить.

— Эй, прохожій! толкнулъ одинъ рабочій нищаго въ плечо. — Это трава чужая! Потрудись-ка, братецъ, съ нея сойти! Не годится ее мять!

Но нищій не пробуждался.

— Да онъ, братцы, не дышитъ! воскликнулъ кто-то. — Онъ померъ!

Другіе рабочіе кинулись къ нищему. Онъ дѣйствительно, казалось, не дышалъ. Крѣпко прижавъ къ себѣ Ирену, онъ лежалъ безъ движенія, весь блѣдный, не выпуская ее изъ рукъ.

— Должно быть, это его дочь! говорили одни. — Вишь, какъ онъ ее держитъ!

— Бѣдный! вздохали другіе.

— Ну, а дѣвочка-то какъ? Тоже померла?

— Нѣтъ, дышитъ! Вотъ она уже открыла глаза!

— Стой, братцы, не мните траву! А то дядюшка-Жакъ будетъ обижаться!

— Погодите, дайте я возьму ребенка!

— Нѣтъ, пусть встанетъ сама!

Дѣйствительно, въ это время Ирена очнулась и мутными глазами обвела всѣхъ рабочихъ. Отъ голода и отъ усталости она не понимала ничего и ничего не могла сообразить.

— Дѣвочка, ты чья? спросили ее.

Она открыла ротъ и измѣнившимъ ей, осипшимъ, голосомъ сказала что-то безсвязное.

— Что? Что ты говоришь?

Она застонала и снова повалилась на траву.

— Что-то бормочетъ непонятное... развелъ руками рабочій.— Глазами глядять, а видимости въ ней никакой нѣтъ!

— Да развѣ ты не видишь, что она еще не очухалась? крикнули на него другіе.—Къ доктору ее!

— Къ доктору! Къ доктору! слышались голоса.— Къ самому доктору Гонкуру!

Докторъ Гонкуръ былъ знаменитый докторъ. Онъ имѣлъ близъ Бреста на морскомъ берегу большую усадьбу и каждый годъ пріѣзжалъ сюда на лѣто изъ Парижа и отдыхалъ здѣсь отъ тяжелыхъ осеннихъ и зимнихъ трудовъ. Его домъ въ усадьбѣ былъ похожъ на цѣлый дворецъ и въ его тѣнистомъ паркѣ росли рѣдкія деревья и цвѣты. Докторъ былъ женатъ уже давно, но всѣ дѣти у него поумирали и остался только одинъ грудной ребенокъ, слабенькій и хилый, на котораго онъ и его жена никакъ не могли надышаться. Всѣ лучшія игрушки, какія только были въ свѣтѣ, были ими куплены для этого ребенка, но онъ въ нихъ ничего не понималъ и не игралъ ими, а только съ аппетитомъ сосалъ себѣ кулачокъ. У него была няня, любившая читать.

Доктора не было дома, когда въ саду виллы вдругъ раздались голоса рабочихъ. Няня въ это время читала газету, а докторша вышивала гладью у себя въ будуарѣ. Выглянувъ въ окошко, няня увидела цѣлую толпу, въ которой одинъ изъ рабочихъ держалъ на рукахъ дѣвочку, блѣдную какъ смерть, съ опущенной, какъ у убитой птички, головкой.

— Доктора! Доктора! шумѣла толпа.

Няня бросилась къ своей хозяйкѣ.

— Барыня! воскликнула она.— Тамъ какую-то мертвую дѣвочку принесли!

Докторша тотчасъ-же вскочила съ мѣста и бросилась на встрѣчу къ рабочимъ.

— Въ чемъ дѣло? спросила она ихъ.

— Намъ доктора, доктора! закричали рабочіе.

— Доктора нѣтъ дома, отвѣтила докторша.— Онъ пріѣдетъ только завтра утромъ. Онъ уѣхалъ въ Парижъ!

— Какъ-же намъ быть? У насъ умираетъ дѣвочка!

— Гдѣ эта дѣвочка?

— Вотъ она! Жозефъ, выходи впередъ!

Жозефъ вышелъ впередъ и протянулъ Ирену къ докторшѣ.

Г-жа Гонкуръ сошла со ступеней и осмотрѣла дѣвочку.

— Она еще жива, сказала она.—

Оставьте ее здѣсь! Я уложу ее въ постель, а мужъ прѣдетъ и оглядитъ ее потомъ.

— Отлично, отлично, загудѣла толпа, которой давно уже нужно было находиться на работѣ.—Мы оставимъ ее, а докторъ прѣдетъ и осмотритъ ее.

— А какъ-же со старикомъ, ея отцомъ? Онъ тоже, говорятъ, уже очнулся! Жозефъ, бѣги скорѣе въ полицію, предупреди тамъ полицейскихъ и пусть они свезутъ его прямо въ больницу!

— Да скажите дядюшкѣ Жаку, что траву помяли не зря, а по необходимости!

— Ладно, ладно! Идите ужъ скорѣе!

И толпа повернула назадъ и скоро голоса ея стихли за садомъ.

Докторша взяла Ирену на руки и внесла ее къ себѣ въ спальню. Здѣсь стояли двѣ постели и маленькая колыбель съ кружевнымъ пологомъ и съ розовыми атласными лентами. Въ колыбели лежалъ ребенокъ. Послѣ вчерашней жары стало вдругъ холодно и въ спальней были затворены окна и горѣлъ каминъ. Чтобы ребенку было потеплѣе, его колыбель придвинули поближе къ огню. Сильно пахло цвѣтами и духами.

Почувствовавъ себя на мягкой постели, Ирена открыла глаза и улыбнулась.

— Ты кто, моя милая? обрати-

лась къ ней докторша.—Что у тебя болитъ?

Ирена опять улыбнулась, но не имѣла силъ отвѣтить.

— У тебя есть мама? продолжала докторша.

Ирена не отвѣчала.

— Надо дать ей поѣсть, проговорила докторша.—Быть можетъ, это она отъ слабости.

И она позвонила горничной и приказала ей подать дѣвочкѣ два яичка, хлѣба и молока. Ирена жадно набросилась на нихъ и стала глотать ихъ почти не жевавши.

— Боже мой, какъ она голодна! всплеснула руками докторша.—Да не спѣши такъ, дитя мое! Вѣдь ты подавишься или заболѣешь!

Но Ирена съѣла все и почти тотчасъ-же заснула.

Докторша укрыла ее одѣяломъ, посидѣла около нея, а потомъ взяла изъ колыбели своего ребенка и накормила и его. Ребенокъ поплакалъ немного и заснулъ тоже. Она переложила его въ колыбель и, подойдя къ зеркалу, поправила на себѣ волосы.

— Спать оба... сказала она.— Вы поглядите здѣсь, няня, за обоими, а я съѣзжу на полчаса къ знакомымъ. Если дѣвочка проснется, то дайте ей вотъ этихъ капель. Кажется, она не опасно больна!

Няня помялась.

— Напрасно вы сударыня, внесли эту дѣвочку прямо въ вашу

спальню, сказала она. — Кто ее знаетъ, изъ какихъ она? Еще, пожалуйста, заразить какой-нибудь болѣзнью нашего Толика.

Докторша нахмурилась.

— Не надо, няня, сторониться бездомныхъ дѣтей, сказала она. — У насъ умерло четверо дѣтей, а вѣдь въ спальню къ нимъ не вносили никого!

— Какъ вамъ будетъ угодно, сударыня... отвѣтила няня и стала качать колыбель.

Лѣсная тишь.

Г-жа Гонкуръ надѣла шляпу, тальму и перчатки, поцѣловала тихонько Ирену въ лобъ, потомъ Толика, и вышла изъ спальни.

Няня придвинула колыбельку поближе къ камину, усѣлась спиною къ огню и отъ нечего дѣлать стала читать газету.

Не прошло и двадцати минутъ, какъ во дворъ вошли странствующие итальянцы и заиграли на мандолинахъ. Услышавъ музыку, няня бросила газету на полъ и, убѣдившись, что дѣти спятъ, побѣжала на дворъ, гдѣ уже собралась вся прислуга и слушала музыку.

Тѣмъ временемъ изъ камина выскочилъ уголь и упалъ прямо на газету. Газета затлѣлась, а потомъ и вспыхнула. Отъ нея огонь перешелъ на колыбель и вся колыбель запылала, какъ факель. Заслышавъ во снѣ запахъ дыма, Ирена проснулась и, увидавъ колыбель въ огнѣ, сперва не поняла, въ чемъ дѣло. А затѣмъ, быстро сообразивъ весь ужасъ положенія, она вскочила съ кровати, отшвырнула отъ себя одѣяло и бросилась къ двери.

— Тетя, тетя! Дядя! закричала она. — Идите сюда скорѣй!

Но на дворѣ играли итальянцы и никто ее не слышалъ. Тогда она закрыла руками лицо, бросилась къ колыбели и, просунувъ голову въ самое пламя, перегнулась черезъ ее край и, не помня какъ, вытащила изъ нея ребенка. Волоса

на ней вспыхнули и сгорѣли, кофточка затлѣлась, а рукава сгорѣли до плечъ. И когда возвратившаяся г-жа Гонкуръ вбѣжала къ себѣ въ спальню, то она увидѣла Ирену на полу съ обожженными руками и лицомъ, державшую невредимаго ребенка, и по обгорѣвшей колыбели и массѣ дыма, наполнившаго комнату, поняла, въ чемъ дѣло.

— Толикъ! крикнула она. — Дитя мое!

И, бросившись къ Иренѣ, она прижала ее къ сердцу и стала покрывать ее обожженное личико поцѣлуями.

— Милая! Милая! шептала она. — Спасибо тебѣ! Я никогда не забуду этого твоего поступка! Ты спасла ему жизнь!

А Ирена въ это время лежала на полу, стонала отъ боли, звала къ себѣ мать и только повторяла:—

— Мама! Мама!

Г-жа Гонкуръ подняла ее съ полу и уложила въ постель.

Поздно вечеромъ неожиданно возвратился изъ Парижа докторъ. Когда онъ вошелъ къ себѣ въ спальню, то на своей кровати увидѣлъ незнакомую дѣвочку, у которой были обвязаны руки и все

лицо которой было покрыто ватой, пропитанной масломъ.

— Что это? спросилъ онъ жену.

Докторша рассказала ему все, какъ было. Онъ подошелъ къ дѣвочкѣ, которая не спала отъ боли и все звала къ себѣ мать, и нѣжно ее обнялъ и поцѣловалъ. Затѣмъ онъ принялся ее лечить. А она мужественно переносила свою боль и только тихо, по прежнему говорила:—

— Мамочка! Мама! Приди ко

Муха надобла!

мнѣ! Мнѣ такъ хочется тебя видѣть!

Докторъ присыпалъ ей раны какимъ-то порошкомъ, наложилъ повязки и далъ ей выпить капель. Она успокоилась и заснула.

— Какое счастье, обратился докторъ къ женѣ,—что во время пожара здѣсь была эта дѣвочка!

— Да, отвѣтила г-жа Гонкуръ.— Самъ Богъ послалъ намъ ее.

— За это я опредѣлю ее въ самый лучшій пріютъ!

Докторша взяла мужа за руку.

— Она спасла жизнь нашему мальчику, сказала она,—и ты хочешь за это отдать ее въ пріютъ. Не лучше-ли будетъ пріютить ее у насъ и, въ благодарность за ея поступокъ, считать ее нашей дочерью? Я уже сказала тебѣ, что самъ Богъ послалъ намъ ее сюда, зачѣмъ-же мы будемъ идти противъ воли Бога?

Докторъ крѣпко пожалъ руку женѣ.

— Ты права, Жанна! сказалъ онъ.—Будь-же этой дѣвочкѣ второй матерью!

И съ этой минуты Ирена навсегда поселилась въ виллѣ. Какъ умѣла, она рассказала докторшѣ, все, что съ нею произошло, и это еще болѣе приблизило ее къ семьѣ доктора Гонкура. Она плохо говорила по-французски, докторъ понималъ такъ, точно ее разлучили съ матерью еще въ Америкѣ и насильно привезли въ Европу, чтобы

заставлять просить милостыню и продавать цвѣты, и онъ далъ себѣ слово, тотчасъ-же по пріѣздѣ въ Парижъ, обратиться къ Аргентинскому консулу и начать поиски матери Ирены въ Буэносъ-Айресѣ. А бѣдная графиня Рената въ это время бродила тутъ-же въ Брестѣ, изъ улицы въ улицу, изъ переулка въ переулокъ и всюду искала свою дочь. За эти три недѣли она вся обносилась, у нея истоптались башмаки и ей, графинѣ Берто, пришлось даже искать пріюта въ ночлежныхъ домахъ. У нея не было денегъ. Всѣ, къ кому она обращалась за помощью, только печально кивали головами или понимали ее на смѣхъ и нѣсколько разъ, чтобы только не умереть съ голоду или не остаться на улицѣ ночевать, она должна была обращаться къ прохожимъ съ протянутой рукой. О, это были для нея минуты страданія, когда она, одинокая, заброшенная въ чужую страну и лишившаяся дочери, должна была просить милостыню и умолять Бога, чтобы онъ поскорѣ послалъ ей смерть!

— Ирена! шептала она, еле передвигая ноги отъ голода и усталости.—Моя милая, дорогая Ирена! Гдѣ ты теперь? Увижу-ли я тебя когда-нибудь еще разъ?

А Ирена быстро поправлялась, сидѣла уже на кровати и играла съ маленькимъ Толикомъ, который весело смѣялся на всѣ ея штуки.

Для него было совершенно безразлично, умѣла-ли Ирена хорошо говорить по-французски или нѣтъ, для него важно было только то, чтобы понимали именно его, а Ирена его понимала; и во всемъ мѣрѣ не было болѣе дружной компаніи, какъ онъ и его подруга. Какъ вдругъ однажды подъ окнами раздался какой-то странный шумъ, что-то подѣхало, загудѣло, затрещало и смолкло.

Докторша бросилась къ окошку. Это былъ автомобиль. Вслѣдъ за тѣмъ въ комнату вошелъ ея мужъ и, веселый, съ раскраснѣвшимся отъ быстрой ѣзды лицомъ, прямо отъ двери крикнулъ своей супругѣ.—

— Ну, Жанна, теперь ты можешь кататься, сколько угодно. Я купилъ автомобиль!

Вся дворня высыпала на улицу, обступила автомобиль со всѣхъ сторонъ и стала его разглядывать. Вынесли и Толика и два раза прокатали его передъ домомъ.

Затѣмъ автомобиль ввели во дворъ и поставили въ сарай.

— Вотъ подожди, обратился докторъ къ женѣ, — какъ только поправится Ирена совсѣмъ, такъ я васъ всѣхъ проведу въ городъ покататься!

Но вотъ Ирена выздоровѣла совершенно. Докторъ снялъ съ нея повязки и позволилъ ей выходить въ садъ и бѣгать по дорожкамъ. Затѣмъ въ назначенный день онъ

привелъ автомобиль въ порядокъ и съ шикомъ подкатилъ на немъ къ парадному крыльцу.

— Пожалуйте! крикнулъ онъ своимъ домашнимъ. — Экипажъ поданъ!

Всѣ вышли изъ дому и стали усаживаться въ автомобиль. Докторша сѣла рядомъ съ няней, на рукахъ у которой былъ Толикъ, а рядомъ съ докторомъ помѣстилась Ирена.

— Готово? спросилъ докторъ.

— Готово! отвѣтила докторша.

Докторъ потянулъ за какую-то штучку, взялся за колесо и автомобиль плавно покатился по шоссе. Сначала тихо, онъ все развивалъ и развивалъ свой бѣгъ, пока наконецъ не полетѣлъ съ невѣроятной быстротой, отъ которой у Ирены стало холодѣть подъ сердцемъ. Широкополая шляпа Толика сорвалась у него съ головы и повисла на резинкѣ, а страусовыя перья на шляпѣ у докторши развѣвались точно отъ вихря.

— Осторожнѣе! сказала докторша. — Мы уже въѣзжаемъ въ городъ. Здѣсь уже много людей!

— Ничего, отвѣтилъ докторъ. — Не задавимъ.

И только что онъ это сказалъ, какъ черезъ дорогу стала переходить какая-то женщина. Лицо ея было печально и блѣдно и потому, какъ она низко опустила голову на грудь, видно было, что мысли ея были гдѣ-то далеко и

что она была очень несчастна. Она шла прямо подъ автомобиль.

— Назадъ! Назадъ! закричали ей.—Берегись!

— Берегись! закричалъ ей докторъ и сталъ часто гудѣть въ гудокъ.

Но она не слышала никого и ничего и продолжала переходить черезъ дорогу. Докторъ спохватился, сталъ тянуть за какой-то рычагъ, но не за тотъ, и въ торопяхъ ничего не могъ подѣлать. Онъ съ ужасомъ видѣлъ, что еще моментъ или два и его автомобиль переѣдетъ черезъ эту женщину и можетъ задавить ее на смерть.

— Съ дороги! Съ дороги! кричалъ онъ.—Берегись!

Но женщина была слишкомъ занята своими мыслями и когда затѣмъ автомобиль остановился и изъ него въ страхъ и волненіи выскочили самъ докторъ, его жена, няня и Ирена, то женщина лежала уже на землѣ и, казалось, находилась безъ чувствъ.

— Что съ вами? бросился къ ней докторъ.—Не ранены-ли вы?

Но въ это время произошло нѣчто такое, чего не можетъ описать это слабое перо. вмѣсто отвѣта женщина бросилась къ Иренѣ, схватила ее въ объятія и стала кричать;—

— Ирена, Ирена! Дорогая моя дочь! Наконецъ-то ты нашлась!

А Ирена бросилась къ матери на шею, цѣловала ее въ щеки, въ

глаза, въ губы, въ шею. Слезы текли у нея по щекамъ и смѣшивались со слезами матери и она чувствовала, что радость подступила ей къ горлу, мѣшаетъ ей ласкать свою мать и только повторяла:—

— Мамочка, мама, мама!

Затѣмъ обѣ онѣ сѣли прямо на мостовую и стали громко плакать. Графиня Рената то и дѣло хватала Ирену за обѣ щеки ладонями, сжимала ихъ, такъ что изъ губъ дочери получался бантикъ, и цѣловала ихъ. А сзади стояли докторъ и его жена и, глядя на нихъ, тоже вытирали себѣ слезы.

— Ну, что-же? Пора и по домамъ! сказалъ наконецъ докторъ, когда радость свиданія немного поулеглась.

— Да, докторъ, отвѣтила ему Рената, которой Ирена успѣла уже многое рассказать.— Мы сейчасъ пойдемъ... Но позвольте мнѣ сначала поблагодарить васъ за мою дочь.

И она протянула докторшѣ руку.

— Это мы должны благодарить васъ за Ирену! отвѣтила г-жа Гонкуръ.—Если-бы не она, то мы навѣки лишились-бы нашего сына.

И она горячо поцѣловала ее въ губы.

— Пойдемъ, Ирена!.. обратилась къ дочери графиня-Рената,— Поблагодари этихъ господъ и пойдемъ!

— Подождите немного! сказалъ

ей докторъ.—Я прошу васъ прежде сѣсть въ этотъ автомобиль. Мнѣ нужно вамъ кое-что передать!

Графиня-Рената и Ирена нерѣшительно сѣли въ экипажъ. Докторша опять усѣлась съ няней, докторъ потянулъ за рычагъ и автомобиль покатился обратно къ виллѣ.

— Куда мы ѣдемъ? спросила Рената, когда городъ уже остался позади.

— Къ себѣ домой, сказалъ ей докторъ.—Скоро вы будете дома!

— У меня нѣтъ дома, отвѣтила Рената.

— Не беспокойтесь... продолжалъ докторъ.—Съ этого дня вы поселитесь у насъ.

И онъ вопросительно поглядѣлъ на жену.

— Да, да! отвѣтила докторша.— Вы будете для насъ сестрою и мы не разстанемся съ вами никогда.

Графиня Рената закрыла руками лицо и стала плакать.

А автомобиль летѣлъ, какъ стрѣла, и цѣлое облако пыли вырывалось изъ подъ его колесъ и застилало собою видъ на городъ, гдѣ столько несчастій пришлось пережить маленькой Иренѣ и графинѣ Ренатѣ.

К. Тр.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ВЪ ХОЛОДНЫЙ ДОЖДЬ.

Такъ было ясно и тепло,
Такъ все казалось превосходнымъ,—

И вдругъ къ намъ тучи принесло
Съ дождемъ и воздухомъ холоднымъ.

Вѣтры шумятъ, дожди идутъ
И хлещутъ по цвѣтамъ поблѣклымъ

И капли медленно ползутъ
По запотѣвшимъ, мутнымъ стекламъ.

И мы одѣлись въ сукно
И натянули голенищи...
О, солнце, солнце! Гдѣ оно?
Когда-же небо станетъ чище?

Кузнечикъ.

ИСТОРИИ О СОБАКАХЪ.

Томъ.

Возвращался съ Дальняго Востока въ Россію больной офицеръ съ двумя дѣтьми — Ниной и Мишей и съ гувернанткой мадмуазель-Жюли. Все время, пока плыли на пароходѣ, офицеръ лежалъ и тяжело кашлялъ, а когда подошли къ Сингапуру, то онъ такъ расхворался, что пересталъ ѣсть и пить и все сидѣлъ на койкѣ и, обнявъ колѣна, бредилъ. Передъ самымъ отходомъ парохода изъ Сингапура, на палубу вошелъ съ берега какой-то англичанинъ съ большимъ нью - фаундлендскимъ псомъ, котораго онъ называлъ Томомъ. Пока поднимали якорь и принимали мостки, Томъ куда-то на пароходѣ забѣжалъ, англичанинъ сошелъ обратно на берегъ одинъ и Томъ такъ и отправился безъ хозяина въ далекое путешествіе одинъ. Онъ бѣгалъ по палубѣ, ласкался къ пассажирамъ и всѣ его полюбили. Но больше всего онъ сдружился съ Ниной и Мишей и съ самага отбытія изъ Сингапура старался быть около нихъ, игралъ съ ними и позволялъ имъ дѣлать надъ нимъ всевозможныя штуки. Дѣти тоже очень полюбили его и всѣ пассажиры такъ и рѣшили, что Томъ будетъ принадлежать Нинѣ и Мишѣ и только одна

мадмуазель-Жюли иногда хмурилась и говорила самой себѣ: —

— Если мой хозяинъ умретъ, то какъ я буду съ его дѣтьми? Кромѣ тетки въ Кіевѣ у нихъ нѣтъ во всемъ свѣтѣ никого родныхъ. А тутъ еще эта собака Томъ...

Мадмуазель-Жюли ѣхала къ себѣ на родину во Францію, въ Марсель, и такъ и было рѣшено, что всѣ вмѣстѣ они приѣдутъ въ Марсель, тамъ разстанутся, а затѣмъ офицеръ съ дѣтьми поживетъ для здоровья въ Ниццѣ и отправится къ себѣ въ Россію, когда на сѣверѣ станетъ тепло. Поэтому и ѣхали не на русскомъ пароходѣ, который идетъ изъ Владивостока въ Одессу, а на французскомъ, который идетъ прямо въ Марсель.

Но случилось такъ, что въ Индійскомъ океанѣ, недалеко отъ Цейлона, офицеръ скончался. Его завернули въ бѣлый саванъ, привязали къ доскѣ, вложили въ саванъ гирю и бросили его въ море. Случившійся на пароходѣ пасторъ прочиталъ надъ покойникомъ отходную, мадмуазель-Жюли убивалась, какъ родная, а Миша такъ разстроился, что забился у себя въ каютѣ и не выходилъ до самага вечера. Теперь мадмуазель-Жюли осталась съ дѣтьми одна.

— „Что я теперь буду съ ними дѣлать?“ ужасалась она.—„Куда я ихъ дѣну?“

Но билеты были взяты до самой Марсели и, волей-неволей, приходилось везти сиротъ во Францію.

„Только-бы вотъ какъ-нибудь отдѣлаться отъ Тома!“ думала гувернантка.—„Вѣдь, такую большую собаку надо будетъ кормить!“

Но разстаться съ Томомъ дѣтямъ такъ и не пришлось. Когда пароходъ подходилъ къ Суэцу, и вся публика столпилась у бортовъ и стала смотрѣть на городъ, то случилось событіе, которое навсегда связало сиротъ съ Томомъ. Раздался вдругъ пронзительный, полный ужаса крикъ мадмуазель-Жюли, затѣмъ что-то тяжелое шлепнулось въ воду и пошло ко дну. Это Нина потеряла равновѣсіе и свалилась съ борта прямо въ море.

— Скорѣй! Скорѣй! закричала гувернантка.—Спасите! Помогите!

— Что такое? Что случилось? подбѣжали другіе пассажиры.

— Дѣвочка упала въ воду! отвѣтили имъ очевидцы.—Перевѣсилась черезъ бортъ и упала. Нельзя терять ни одной минуты!

И почти тотчасъ-же раздался властный голосъ капитана:—

— Спустить спасательный ботъ!

— Есть! отвѣтилъ ему боцманъ.

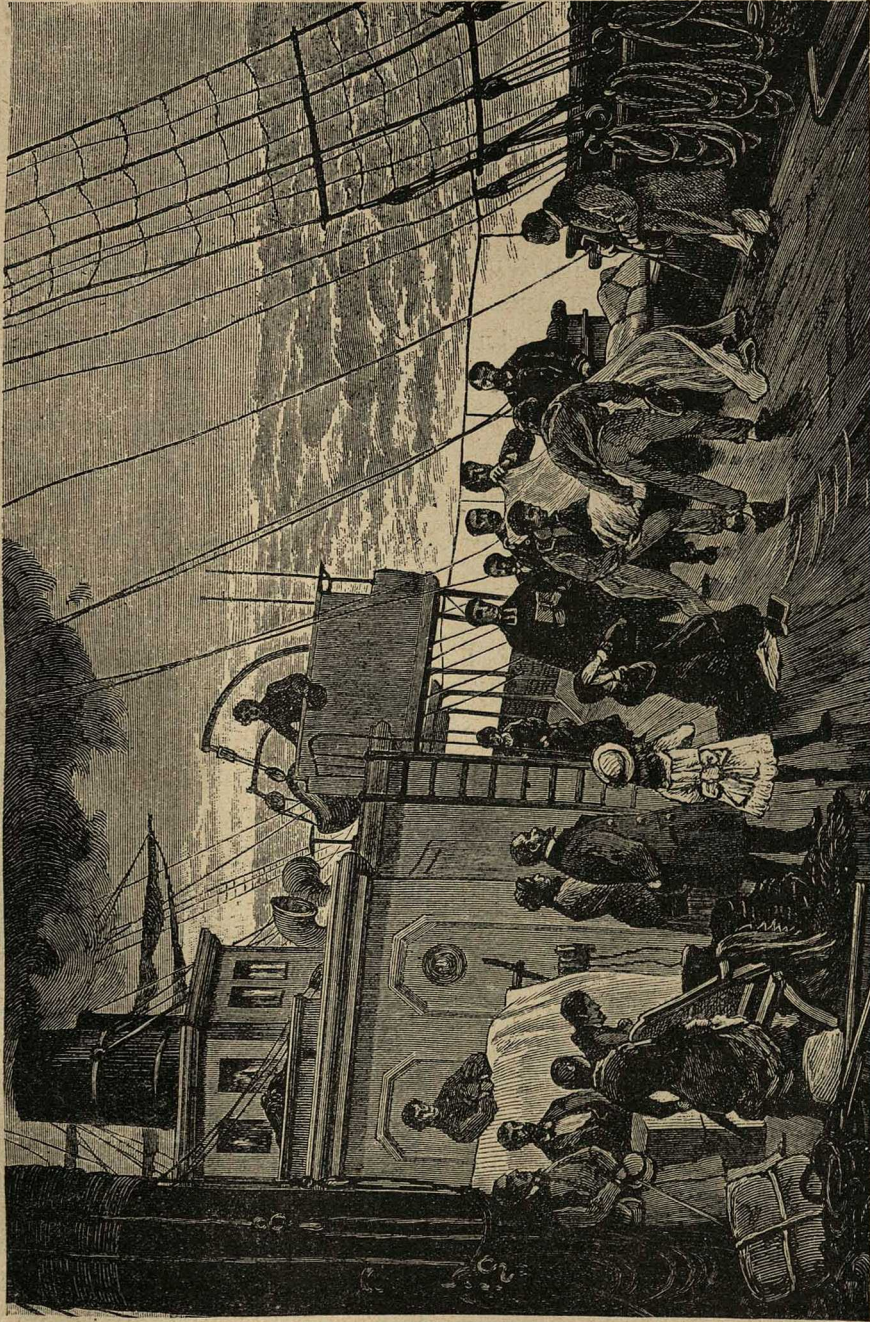
И шесть человѣкъ матросовъ усѣлись тотчасъ-же въ лодку и машина спустила ихъ вмѣстѣ съ лодкой къ самой водѣ. Они взмах-

нули веслами и направились къ тому мѣсту, гдѣ еще расходились на поверхности воды круги.

Но въ это время на палубу выбѣжалъ Томъ. Онъ оглядѣлся по сторонамъ, понюхалъ воздухъ и, понявъ по выраженіямъ лицъ пассажировъ, что съ его любимицей что-то случилось, не долго думая, перемахнулъ черезъ бортъ и бросился въ море. Онъ долго не появлялся надъ поверхностью воды, а затѣмъ, уже вдаль отъ парохода, успѣвшаго за это время отойти немного отъ мѣста катастрофы, вдругъ показалась его черная голова. Пока матросы взмахивали веслами и шарили въ водѣ багромъ, онъ нырнулъ, схватилъ Нину за платье и вытащилъ ее на воздухъ. Вскинувъ ее потомъ себѣ на спину, онъ подплылъ съ нею къ лодкѣ, и здѣсь нѣсколько рукъ потянулись къ нему на помощь, приняли отъ него Нину, вытащили и его самого изъ воды и не прошло и четверти часа, какъ всѣ уже были на пароходѣ; пассажиры приводили Нину въ чувство, а мокрый Томъ, какъ ни въ чемъ не бывало, бѣгалъ по палубѣ и оставлялъ за собою дорожку стекавшей съ него воды. Пароходный врачъ взялъ Нину на руки, уложилъ ее въ ея постельку, далъ ей глотокъ вина, а къ вечеру, когда уже уходили изъ Суэца, Нина уже снова бѣгала по пароходу, обнимала Тома и громко говорила:—

Коллибри.

Похороны въ морѣ.

— Я не отдамъ тебя никому! Мы не разстанемся съ тобою никогда!

И слушая эти ея слова, и сама мадмуазель-Жюли втихомолку повторяла:—

— Ну, какъ теперь разстаться съ этой благородной собакой? Я ей обязана всѣмъ.

Черезъ четверо сутокъ пароходъ пришелъ въ Марсель. Мадмуазель-Жюли взяла дѣтей и Тома, сѣла въ поѣздъ желѣзной дороги и отправилась съ ними къ себѣ на родину въ деревню Потье.

— Какъ я могу ихъ бросить? разсуждала она.—Вѣдь они — сироты, а до Россіи—далеко!

Мадмуазель-Жюли не была на родинѣ цѣлые три года и теперь была рада, что приѣхала домой. Все какъ было тогда, когда она впервые уѣзжала на мѣсто въ Россію, такъ оставалось и теперь. Маленькій, чистенькій домикъ, весь заросшій вьющейся грушей, большой очагъ у одной изъ стѣнъ, съ кипящимъ чайникомъ на треножникѣ и съ ярко вычищенной мѣдной посудой на карнизѣ; старушка мать, вѣчно сидящая у порога и прядущая шерсть; коза съ колокольчикомъ на шеѣ и двое козлятокъ около нея, рѣзвящіеся на травѣ. Какъ только мадмуазель-Жюли увидѣла мать и все это родное гнѣздо, то заплакала въ три ручья. Мать тоже стала плакать, а затѣмъ начались разспросы, восклицанія, объятія.

— А это чьи ангелочки? спросила мать, указавъ на Нину и Мишу, стоявшихъ поодаль и державшихъ за ошейникъ Тома.

— Это—сироты... отвѣтила Жюли.—У нихъ умеръ по пути отецъ, и я взяла ихъ сюда къ себѣ... Какъ-нибудь намъ Господь поможетъ!..

Старушка погладила дѣтей по головѣ.

— Да, отвѣтила она.—Намъ Господь поможетъ! Вотъ только эта собака... Она будетъ много ѣсть!..

— Ничего!.. сказала мадмуазель-Жюли.

Дѣтей ввели въ домъ и съ этой поры они поселились у старушки и мадмуазель-Жюли. Для Тома устроили изъ большого стараго ящика конуру на дворѣ и онъ сталъ жить въ ней и, повидимому, былъ доволенъ своей судьбой. Только одна мадмуазель-Жюли все о чемъ-то задумывалась и глубоко вздыхала.

— Вѣдь пройдутъ два-три года, говорила она матери, — и дѣтямъ нужно будетъ давать образованіе!.. Развѣ они виноваты, что у нихъ нѣтъ близкихъ родныхъ и что мы бѣдны!.. Я писала въ Кіевъ, къ ихъ теткѣ, но не получила отвѣта.

А Нина и Миша бѣгали взапуски, ни о чемъ не думали и, какъ птицы небесныя, не заботились о завтрашнемъ днѣ. Имъ очень нравилось у мадмуазель-Жюли. Они ѣли хлѣбъ, пили козье моло-

ко — это составляло почти весь ихъ обѣдъ, но они были довольны и лучшаго не желали, какъ бѣгать на свободѣ по морскому берегу или лазать по скаламъ. Ихъ сопровождалъ всюду вѣрный Томъ, игралъ съ ними, доставалъ для нихъ со дна моря брошенные ими камни, и было забавно видѣть, какъ всѣ трое, набѣгавшись до усталости, спали потомъ комочкомъ на пескѣ, положивъ другъ другу головы на спины.

Мадмуазель-Жюли принялась за хозяйство. Теперь нужно было напрягать всѣ силы, чтобы поддерживать такъ неожиданно образовавшуюся семью. Дѣтей нужно было накормить, напоить, одѣть, никто въ домѣ не зарабатывалъ и приходилось съ трудомъ сводить концы съ концами. Мадмуазель-Жюли готовила обѣдъ, мыла полы, стирала бѣлье, ея мать съ утра и до вечера занята была пряжей и тканьемъ — и дѣти на весь день были предоставляемы самимъ себѣ. По мѣрѣ того, какъ они осваивались съ мѣстностью и привыкали къ новой жизни, они стали совершать прогулки все дальше отъ дома и все глубже уходили въ горы. И всякій разъ, какъ они проходили по шоссе мимо того мѣста, гдѣ расположились приваломъ проѣзжіе акробаты, Томъ начиналъ жалобно ворчать и тянуть дѣтей за платья назадъ. А они довѣрчиво останавливались передъ акроба-

тами и большими, удивленными глазами смотрѣли, какъ они упражнялись на коврикѣ, становились другъ другу на плечи и кувыркались, готовясь къ вечернему представленію въ ближайшей деревнѣ. Одинъ разъ Нина и Миша забрели къ нимъ передъ самымъ вечеромъ и видѣли, какъ они намазывали себѣ краской лица и одѣвались въ пестрые костюмы съ бубенчиками и въ трико. И каждый разъ одинъ изъ акробатовъ какъ-то подозрительно поглядывалъ на дѣтей. Но они не замѣчали этого и съ любопытствомъ разглядывали на ихъ костюмы.

— А мы сегодня видѣли комедіантовъ, рассказывали они, вернувшись домой. — Они такіе измазанные краской, смѣшные...

— Часто подъ смѣшной наружностью бьется и доброе сердце, отвѣтила имъ мадмуазель-Жюли.

Невдалекѣ отъ того мѣста, гдѣ расположились постоемъ акробаты со своимъ фургономъ, находилась громадная, глубокая яма, образовавшаяся отъ того, что въ этомъ мѣстѣ уже нѣсколько десятилѣтій подрядъ брали для желѣзной дороги песокъ. Нина и Миша любили взобраться на самый край этой ямы и глядѣть внизъ. Томъ всегда находился съ ними и зорко слѣдилъ за ихъ безопасностью, готовясь каждую минуту при малѣйшей опасности схватить ихъ за край кофточекъ и поддержать.

— Хочешь я прыгну вниз? предложил вдругъ Миша.

И прежде чѣмъ Нина могла сказать что-нибудь въ отвѣтъ, онъ подпрыгнулъ на мѣстѣ. Онъ хотѣлъ пошутить. Но отъ его прыжка край стремнины вдругъ обвалился и всѣ трое—онъ, Нина и Томъ покатались внизъ на дно. Они упали на мягкій песокъ, не ушиблись и только отдѣлались испугомъ и тѣмъ, что песокъ засыпался имъ въ уши, въ глаза и за шею. Томъ тотчасъ-же вскочилъ, встряхнулся и схвативъ Нину за поясъ и взваливъ ее къ себѣ на спину, помчался съ нею скорѣе домой. Выскакивая изъ ямы, онъ остановился у стремнины и громко залаялъ Мишѣ.

— Подожди, нетрогайся съ мѣста, казалось, говорилъ онъ ему.— Лежи смирно! Сейчасъ я возвращусь къ тебѣ и вытащу изъ ямы и тебя.

И когда онъ такъ лаялъ, то акробаты запрягали уже свой фургонъ и собирались уѣхать изъ тѣхъ мѣстъ навсегда. И вдругъ одинъ изъ нихъ сказалъ:—

— Слышишь, воетъ собака?

— Не воетъ, а лаетъ! отвѣтилъ другой.— Это близко отъ насъ! Навѣрное — тамъ и дѣти! Вотъ хорошо было-бы, если-бы мальчуганъ былъ одинъ!

И они со всѣхъ ногъ бросились бѣжать къ ямѣ. Въ это время Томъ съ Ниной были уже далеко. Подойдя къ краю ямы, они заглянули

въ нее и увидѣли на днѣ ея Мишу. Онъ лежалъ на пескѣ и, повидимому, еще не совсѣмъ пришелъ въ себя. Тогда оба акробата искусно спрыгнули на дно, подбѣжали къ Мишѣ, одинъ изъ нихъ засунулъ ему въ ротъ платокъ, чтобы онъ не могъ крикнуть, а другой снялъ съ себя поясъ и быстро связалъ ему руки и ноги. Затѣмъ они выбрались изъ ямы, прибѣжали къ своему фургону, бросили въ него Мишу, прыгнули въ него сами и во весь духъ погналы лошадей.

— Хорошій теперь у насъ будетъ мальчижъ-акробатъ! говорили они, когда ихъ фургонъ былъ уже далеко.— Намъ для представленій не доставало только мальчугана! Мы сдѣлаемъ его такимъ мягкимъ, какъ резина! Онъ будетъ у насъ изгибаться, какъ проволока!

А когда Томъ прибѣжалъ къ ямѣ, то онъ уже не увидѣлъ въ ней Мишу. Онъ остановился въ удивленіи, понюхалъ воздухъ, потомъ громко и протяжно завылъ. А затѣмъ, догадавшись, въ чемъ дѣло, онъ побѣжалъ вслѣдъ за фургонъ по шоссе, но желѣзныя шины колесъ и подковы лошадей не оставили на немъ никакого запаха, онъ скоро сбился, запутался и печальный, ни съ чѣмъ, низко опустивъ голову и хвостъ, поздно вечеромъ возвратился домой.

Мадмуазель - Жюли и ея мать встревожились, мѣстные крестьяне зажгли фонари и бросились на

поиски, былъ перерытъ весь песокъ въ ямѣ, были обшарены всѣ щели въ скалахъ и всѣ кусты, но Мишу такъ и не нашли. Онъ исчезъ безслѣдно и никто такъ и не догадался, что его украли акробаты.

— Вѣроятно, онъ утонулъ въ морѣ, вздыхала со слезами мадмуазель-Жюли.— Выбрался изъ ямы и, пробѣгая надъ берегомъ, снова сорвался и упалъ въ воду...

Но Томъ слышалъ эти слова, понималъ ихъ и не хотѣлъ имъ вѣрить. Онъ еще долго тосковалъ по Мишѣ и долго и протяжно былъ. А затѣмъ успокоился и онъ.

Потянулись дни за днями и незамѣтно промелькнули два года. Нинѣ исполнилось восемь лѣтъ. Пора была начинать ее учить и мадмуазель-Жюли стала беспокоиться. Неужели она оставитъ Нину безъ образованія? Но гдѣ взять для этого средствъ? Гдѣ ее учить? Нина — русская и православная и развѣ осмѣлится она, мадмуазель-Жюли, сдѣлать изъ нея французенку? Развѣ допустимо, чтобы Нина, дочь русскаго офицера, перестала говорить по русски и навсегда позабыла о своей великой родинѣ? Нѣтъ, она никогда этого не допуститъ! Она — бѣдная, малообразованная гувернантка, но она напряжетъ всѣ свои усилія, чтобы исполнить свой долгъ и дать образованіе дѣвочкѣ, которую Провидѣніе такъ неожиданно поручило ей заботамъ.

И мадмуазель-Жюли написала въ далекую Россію письмо къ двоюродной теткѣ Нины, въ которомъ просила ее принять участіе въ одинокой сиротѣ.--

Къ ея удивленію, двоюродная тетка на этотъ разъ прислала ей ласковый отвѣтъ, въ которомъ писала ей, что переселилась изъ Кіева въ деревню, и просила ее привезти Нину къ ней и, если она пожелаетъ, то пусть и сама останется вмѣстѣ съ дѣвочкой у нея въ усадьбѣ и будетъ для Нины, какъ и прежде, гувернанткой. И мадмуазель-Жюли стало вдругъ сразу весело и она стала собираться въ путь. Было пролито много слезъ при разставаніи и, недѣлю спустя, мадмуазель-Жюли, Нина и Томъ уже были въ Харьковской усадьбѣ тети. Она приняла ихъ съ распростертыми объятіями. У нея и самой были дѣти — дѣвочки и мальчики — и она была довольна, что теперь и для нихъ нашлась гувернантка, къ тому-же ей жаль было Нину и она искренно и долго плакала, когда узнала о судьбѣ несчастнаго Миши. Томъ сразу сдѣлался всеобщимъ любимцемъ, все время не отходилъ отъ дѣтей и, когда они купались, нырялъ, доставалъ для нихъ камни изъ воды и помогалъ имъ плавать. Нина была въ восторгѣ. Она рада была большому обществу, охотно училась въ компаніи со своими сверстниками и это первое лѣто, проведенное ею и мадмуазель-Жю-

ливъ малороссійской усадьбѣ, казалось имъ волшебной сказкой. Мадмуазель-Жюли то и дѣло, оставаясь одна, складывала руки ладонями вмѣстѣ, поднимала глаза кверху и молилась:—

— Тебя, Бога, хвалимъ... шептала она по латински.—Тебя, Господа, исповѣдуемъ...

И вдругъ пронеслась интересная новость. Возвратившійся изъ города управляющій сообщилъ, что въ городѣ — ярмарка и что пріѣхалъ туда превосходный циркъ. Онъ рассказывалъ, какихъ видѣлъ интересныхъ клоуновъ и лошадей и какіе знаменитые акробаты летали въ циркѣ по воздуху, — и вся дворня сидѣла вокругъ него и слушала его, разиня ротъ.

— Мамочка, отпусти насъ въ городъ! стали приставать дѣти къ матери.—Намъ хочется побывать въ циркѣ и посмотрѣть тамъ на лошадей.

Мать согласилась, была запряжена длинная линейка и всѣ дѣти съ Ниной и съ мадмуазель-Жюли отправились въ городъ въ циркъ. Тома оставили дома, но онъ выскочилъ въ окно и побѣжалъ вслѣдъ за ними, высунувъ на сторону свой розовый языкъ.

— Томъ, пошелъ назадъ! крикнули ему.—Пошелъ домой!

Но Тома легче было убить, чѣмъ заставить разстаться съ дѣтьми.

Пріѣхали, купили билеты и заняли въ циркѣ мѣста. Томъ тоже

прошмыгнулъ въ циркъ и забился къ Нинѣ подъ лавку. Началось представленіе.

Сперва вышли два клоуна, которые весело потѣшали публику, и дѣтишки громко смѣялись, потомъ какая-то наѣздница скакала на рыженькой лошадекѣ и посыпала въ обѣ стороны воздушные поцѣлуи, затѣмъ показали дрессированнаго слона, игравшаго на шарманкѣ. Когда-же на арену вышли два взрослые акробата и съ ними маленькій, тщедушный мальчикъ и стали ломаться на трапеціяхъ, то Томъ неожиданно вдругъ выскочилъ изъ своей засады, понюхалъ воздухъ, радостно залаялъ и затѣмъ вдругъ опрометью бросился прямо черезъ публику на арену. Онъ забылъ обо всемъ, прыгаль прямо по плечамъ и по головамъ зрителей и когда добрался наконецъ до арены, то схватилъ мальчика-акробата зубами за поясъ и потащилъ его къ себѣ.

— Томъ! Томъ! кричали ему сверху дѣти, мадмуазель-Жюли и Нина, которымъ было неловко отъ такого поступка ихъ собаки.

А внизу, на аренѣ, въ это время происходила трогательная сцена: мальчикъ узналъ собаку, обхватилъ ее руками за шею, плакалъ и тоже повторялъ:—

— Томъ! Томъ! Ты узналъ меня! Милый, хорошій Томъ!

Приглядѣвшись къ этой сценѣ,

Нина вдругъ вскочила съ мѣста и на весь циркъ закричала:—

— Это нашъ Миша! Мадмуазель-Жюли, это—нашъ Миша! Миша, иди сюда скорѣй!

Ея визгливый голосъ прозвучалъ на весь циркъ и взволновалъ собою всѣхъ зрителей. Всѣ повскакивали со своихъ мѣстъ. Съ необыкновенной ловкостью, маленькой акробатъ, какъ кошка, взобрался вдругъ къ тѣмъ мѣстамъ, гдѣ сидѣли его родные, и бросился къ мадамъ-Жюли на шею. Она плакала, цѣловала его то въ шею, то губы, то въ глаза, Томъ вылъ отъ радости на весь циркъ, а вся публика окружила ихъ, привѣтствовала мальчика и громко высказывала одобреніе, что онъ нашелъ наконецъ свою семью.

— Bravo, bravo! кричали зрители.—Молодчина собака Томъ! А съ этими двумя негодьями сосчитаемся ужъ мы!

И многіе изъ зрителей прыгнули на арену и побѣжали объясниться съ акробатами, которые не ожидая такой развязки, убѣжали къ себѣ въ уборную и робко забились въ уголокъ. Пригласили полицію, составили протоколъ, а тѣмъ временемъ линейка возвращалась уже обратно въ усадьбу и веселая молодежь щебетала, какъ

прилетѣвшія изъ-за моря птички, и спрашивала Мишу о его житьѣ-бытьѣ. Онъ рассказывалъ имъ, какъ умѣлъ, а мадмуазель-Жюли то и дѣло обнимала его и прижимала къ себѣ, и онъ не вѣрилъ своимъ глазамъ и это неожиданное свиданіе, это освобожденіе его изъ тяжелой неволи казалось ему сладкимъ, волшебнымъ сномъ. Миша боялся проснуться отъ него и въ то-же время протиралъ себѣ глаза и раза два ущипнулъ себя за ногу.

— „Нѣтъ, больно... чувствую... подумалъ онъ.—Значить, это дѣйствительно не сонъ, а на самомъ дѣлѣ такъ“...

И подъ наплывомъ охватившей его радости онъ прыгнулъ съ линейки, пробѣжался въ своемъ блестящемъ цирковомъ костюмѣ наравнѣ съ лошадьми, а потомъ сѣлъ въ сторонкѣ и сталъ горько плакать.

Но это продолжалось недолго. Отъ радости долго не плачутъ. Всѣ тоже сбѣжали съ линейки, подняли его съ земли, усадили его на прежнее мѣсто и съ веселыми криками поѣхали домой.

А позади всѣхъ, высуня языкъ, бѣжалъ Томъ и даже и вида не показывалъ, что виновникомъ всему былъ именно онъ.

Гіальмаръ.

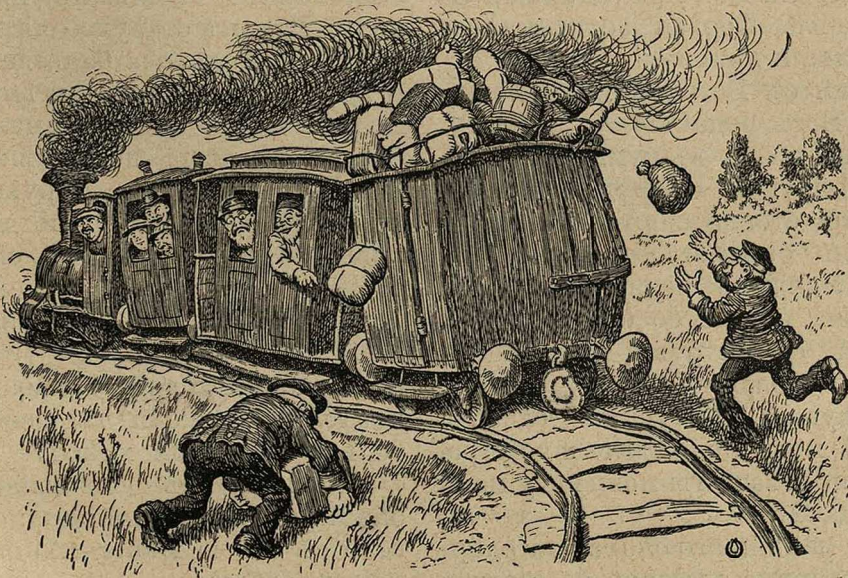

Бет за папорои.

НИЩАЯ И СОБАКА ИЛИ СКАЗКА О ДОБРОТѢ.

Жила-была на свѣтѣ молоденькая дѣвушка, у которой не было ни матери, ни отца. Оба они умерли, когда она была еще ребенкомъ, и ей пришлось жить у своего дяди, который былъ самымъ богатымъ человекомъ во всей-своей округѣ. У него были и дома, и земли,

что она не имѣла ничего, а главное — была услужлива, безропотна и добра. Но какъ бы то ни было, а правда всегда выходитъ наружу, и поэтому всѣ другіе люди, жившіе въ той-же округѣ, очень любили эту дѣвочку и прозвали ее „Добрушей“. Дядя не хо-

Курьерскій поѣздъ.

и стада и множество слугъ и работниковъ, которые были заняты у него на поляхъ и въ усадьбѣ. Кромѣ того, онъ счастливо женился и получилъ за женой очень большое приданое.

У него было двое молоденькихъ дочерей.

Случилось такъ, что эти богатые люди не влюбились несчастную сироту, не смотря на то, что она была ихъ самой близкой родственницей. Произошло это потому,

тѣль признавать ее своей племянницей, а тетка сослала ее служить въ хлѣву и спать на заднемъ дворѣ на чердакѣ. Цѣлые дни сирота скребла послѣ коровъ ведра, мыла посуду и стирала тряпки и такъ уставала за день, что ночью спала сладко, какъ убитая, такъ что ея сну могла-бы позавидовать любая принцесса.

Однажды лѣтомъ, во время жатвы, когда весь хлѣбъ для богатаго дяди былъ уже собранъ и свезенъ

въ сараи, онъ пригласилъ къ себѣ на ужинъ сосѣдей. Они пришли къ нему въ своихъ праздничныхъ костюмахъ, ѣли и пили, поздравляли его съ хорошимъ урожаемъ и подъ конецъ стали танцевать. Въ это время въ заднюю дверь постучалась къ богатому дядѣ какая-то незнакомая старушка, которая попросила поѣсть и приютить ее на ночлегъ. Она была очень бѣдна и такъ безобразна, какъ ни одна еще нищяя, приходившая за подаяніемъ. Первая встрѣтила ее судомойка и крикнула ей:—

— Иди съ Богомъ! Здѣсь не подаютъ! Богъ подастъ!

Въ это время въ кухнѣ находилась Добруша. Натрудившись за день, она стояла за столомъ и ѣла кое-какіе остатки отъ дядинаго стола. Увидѣвъ незнакомую старуху, она встала со своего стула и, взявъ ее за руку, подвела ее къ своему блюду.

— Скушай, бабушка! сказала она.— Я могу подождать и до утра. А переночевать ты можешь у меня на чердакѣ.

Безъ малѣйшаго слова благодарности старуха усѣлась за столъ и принялась за ѣду. Добруша считала ей съ тарелокъ еще кой-какихъ остатковъ, накормила ее, а затѣмъ повела ее къ себѣ на чердакъ. Старуха и здѣсь оказалась неделикатной: она заняла постель дѣвочки, которая должна была всю ночь провести на охабкѣ соломы на полу. Утромъ, пока еще Добруша спала, она уже ушла, такъ и не сказавъ ей спасибо.

На слѣдующій день, вечеромъ, эта старуха опять пришла въ усадьбу богатаго дяди и опять постучалась въ кухонную дверь.

— Дайте мнѣ чего-нибудь поѣсть, сказала она,—и приютите меня на ночлегъ!

Никто изъ прислуги не обратилъ на нее никакого вниманія и Добрушѣ опять пришлось уступить ей свое мѣсто и ѣду и опять вести ее ночевать къ себѣ на чердакѣ. Чтобы утолить голодъ старухи, она должна была выскоблить всѣ кострюли и горшки, и чтобы дать ей ночлегъ,—должна была сама спать на мѣшкѣ прямо на полу. Утромъ старуха опять ушла, не сказавъ и слова благодарности. И цѣлыя шесть дней затѣмъ, какъ только Добруша принималась за ужинъ, въ дверь непремѣнно стучалась незнакомая старуха, просила ѣсть и ночлега и дѣвushка каждый разъ отдавала ей свою порцію и уступала ей свою постель. Иногда старуха задавала Добрушѣ вопросъ:—

— Почему у тебѣ такая жесткая постель? Неужели ты всегда ѣшь только черствый хлѣбъ?

Наконецъ въ девятый вечеръ она пришла еще не одна: она привела съ собою громаднѣйшую лохматую собаку.

— Здравствуй, дитя мое! сказала она, когда Добруша отворила ей дверь.—Сегодня я уже не буду у тебя ужинать и ночевать,—я ухожу отсюда далеко,—а вотъ я привела къ тебѣ мою собаку. Ее никто не захотѣлъ у себя приютить до моего возвращенія. Она немножко непривѣтлива и некрасива, но ужъ я оставлю ее у тебя до будущаго года. Побереги ее до самаго короткаго дня въ году.

Сказавши это, старуха вдругъ растаяла въ воздухъ и исчезла, такъ что Добруша не успѣла даже

отвѣтить и одного слова. Собака стала тотчасъ-же ласкаться къ ней и ворчатъ на всякаго другого, кто проходилъ мимо нея. Для бѣдной Добруши было большимъ затрудненіемъ устроить ее у себя и скрыть ее отъ всеобщаго вниманія на заднемъ дворѣ. Но дѣлать было нечего. Пришлось ввести ее къ себѣ на чердакъ и кормить ее тѣмъ, что она ѣла сама. Собака оказалась прозорливой и съѣдала почти все, что получала Добруша на кухнѣ для себя. Чтобы обезпечить собаку ѣдой, бѣдной дѣвушкѣ пришлось голодать самой. Она стала уставать еще больше и стала быстро худѣть.

Все время собака молча лежала въ углу. Уставши за день, Добруша засыпала ночью, какъ убитая, и ни разу не просыпалась до утра. И всякій разъ, при встрѣчѣ съ нею другіе слуги говорили:—

— Почему это у тебя всю ночь на чердакѣ горѣлъ такой яркій огонь и раздавались голоса?

Ей казалось, что они выдумывали это или видѣли во снѣ, и она просто имъ отвѣчала:—

— Вѣроятно, это лунный свѣтъ проникалъ ко мнѣ на чердакъ черезъ слуховое окно, а никакихъ голосовъ я не слыхала!

Но каждую ночь, стоило только кому-нибудь изъ слугъ пробудиться, какъ онъ уже видѣлъ на чердакѣ такое яркое освѣщеніе, точно тамъ была елка, и такое множество голосовъ, точно у Добруши была масса гостей! При этомъ голоса ясно доказывали, что тамъ были дамы и мужчины знатнаго происхожденія, потому что они говорили нѣжно и воспитанно и на иностранныхъ языкахъ.

Кончилось дѣло тѣмъ, что когда ночи стали длиннѣе и темнѣе, одна изъ горничныхъ тихонько встала съ постели, одѣлась, вышла на цыпочкахъ изъ дома, чтобы никого не разбудить, и, пробравшись на скотный дворъ, поднялась на чердакъ и заглянула въ замочную скважину къ Добрушѣ. Она увидала, что собака спокойно лежала въ углу, Добруша крѣпко спала на своей постели и лучи мѣсяца проникали со двора во внутрь черезъ слуховое окно и отражались на полу и на стѣнѣ. Но какъ только наступилъ часъ передъ разсвѣтомъ, слуховое окно распахнулось и черезъ него вошло въ чердакъ множество маленькихъ людей,—все дамы и господа, одѣтые въ роскошные, вышитые золотомъ костюмы. Они почтительно кланялись собакѣ и, выстроившись все въ рядъ, противъ того мѣста, гдѣ она лежала на соломѣ, повидимому, стали ожидать отъ нея приказаній.

— Ваше высочество, обратился наконецъ самый главный изъ нихъ къ собакѣ.—Мы все уже приготовили для торжества. Что вамъ будетъ угодно приказать намъ еще?

— Спасибо вамъ за службу, отвѣтила собака.—Теперь приготовьте все къ обѣду и сдѣлайте такъ, чтобы все было какъ можно изысканнѣе и красивѣе, потому что принцесса и я рассчитываемъ пригласить на торжество одну особу, которая никогда еще не бывала въ нашемъ дворцѣ.

Разговаривавшій съ собакой господинъ отвѣсилъ ей низкій, почтительный поклонъ,

— Все будетъ исполнено, какъ

угодно вашему высочеству, ска- залъ онъ и вся компанія удали- лась изъ чердака черезъ слуховое окно.

Послѣ нея, также черезъ слу- ховое окно, вошло въ комнатку множество очаровательныхъ дѣ- вушекъ, одѣтыхъ въ розовый бар- хатъ. Каждая изъ нихъ держала въ рукѣ ярко-сверкавшую лампу. Онѣ также почтительно выстро- ились передъ собакой и старшая и красивѣйшая изъ нихъ ска- зала:—

— Ваше высочество, мы все уже устроили въ покояхъ принцессы. Не будетъ-ли отъ васъ еще какихъ-нибудь приказаній?

— Благодарю васъ, отвѣтила ей собака.—Я вами доволенъ.—Те- перь приготовьте платья и костюмы и постарайтесь устроить такъ, чтобы они были какъ можно кра- сивѣе и изысканнѣе, такъ какъ принцесса и я рассчитываемъ при- гласить къ себѣ одну особу, кото- рая ни разу не бывала въ нашемъ дворцѣ.

— Все будетъ исполнено, какъ угодно вашему высочеству, сказа- ла дѣвушка и сдѣлала передъ со- бакою глубокий, почтительный ре- верансъ.

Затѣмъ всѣ эти дѣвушки вышли на улицу опять черезъ слуховое- же окно, которое тотчасъ-же за ними и заперлось на щеколду само. Собака растянулась на своей соломѣ, Добруша все еще продол- жала безмятежно спать и по прежнему свѣтила луна. Горничная была при видѣ всего этого такъ удивлена, что долгое время не могла оторваться отъ замочной скважины, но придя потомъ въ себя, тотчасъ-же побѣжала къ своей

хозяйкѣ, разбудила ее и рассказала ей обо всемъ. Хозяйка выслушала ее, назвала ее дурой за то, что она не съумѣла отличить приви- дѣвшагося ей сна отъ дѣйствитель- ности, и прогнала ее прочь. Но искра сомнѣнія все таки закралась ей въ душу и она рѣшила разу- знать обо всемъ сама. Въ слѣдую- щую-же ночь, едва только всѣ въ домѣ крѣпко заснули, она уже от- правилась потихоньку на чердакъ къ своей племянницѣ и прильнула глазами къ замочной скважинѣ. Она увидала тоже, что и ея гор- ничная: такъ-же черезъ окошко входили дамы и господа, такъ-же являлись съ лампами дѣвушки, одѣтыя въ розовый бархатъ, и всѣ они такъ-же почтительно до- кладывали о чемъ-то собакѣ. Какъ и ея горничная, тетка пришла въ изумленіе и, возвратившись домой, тотчасъ-же разбудила своего мужа и рассказала ему все. Выслушавъ ее, онъ поднялъ ее на смѣхъ и назвалъ ее... тоже дурой. Но на слѣдующую ночь и онъ тоже не могъ побѣдить въ себѣ любопыт- ства и рѣшилъ провѣрить самъ. Когда всѣ въ домѣ заснули, онъ всталъ съ постели, надѣлъ на себя халатъ и туфли и отправился по- тихоньку къ чердаку, гдѣ спала его племянница. Онъ увидаль че- резъ замочную скважину все то- же, о чемъ рассказывала ему жена, и теперь уже пришла и его оче- редь назваться дуракомъ. Онъ спо- койно выслушалъ отъ своей жены это названіе и затѣмъ, сдѣлавъ серьезное лицо, многозначительно сказалъ:—

— Я хозяинъ дома и не могу относиться къ этому дѣлу такъ-же равнодушно, какъ наша горничная

и ты. Я долженъ быть готовымъ ко всему и заблаговременно принять свои мѣры. Я вспоминаю теперь, какъ мой дѣдушка когда-то говорилъ, что гдѣ-то недалеко отъ нашихъ луговъ, проходила тропинка, которая вела прямо въ лѣсъ, въ царство фей. Навѣрное все это устроили феи и эта отвратительная собака—вѣроятно какой-нибудь важный, заколдованный принцъ!

И онъ приказалъ на слѣдующій день изжарить самага лучшаго барана для собаки и вся дворня, другъ за дружкой, съ торжественнымъ видомъ понесла его на задній дворъ и положила его передъ псомъ. Но собака даже и не прикоснулась къ жаркому, а только оскалила на дядю зубы и заворчала на прислугу.

— Кушайте, ваше высочество! поклонился ей дядя.—Это очень вкусно! Я не зналъ, что вы такъ знатны, иначе я приказалъ-бы кормить васъ и раньше!

Но собака вскочила на ноги и такъ зарычала, что дядюшка и вся его дворня бросились бѣжать.

Въ тотъ-же вечеръ, когда дядюшка и вся его семья сидѣли за столомъ и ѣли ужинъ, вдругъ раздался неистовый лай собаки на заднемъ дворѣ и вслѣдъ затѣмъ послышался въ кухонную дверь чей-то стукъ. Добруша поспѣшила отворить и передъ ней предстала знакомая уже намъ старуха.

— Сегодня самый короткій день въ году, сказала она,—и я возвращаюсь уже къ себѣ домой. Пора отдохнуть. Вижу, что ты, милая дѣвушка, заботилась о моей собакѣ и кормила ее. Не желаешь-ли, въ награду за это, отправиться

пожить ко мнѣ? У меня для тебя не будетъ хуже, чѣмъ здѣсь. Я и моя собака будемъ тебя любить, и дѣлиться съ тобой тѣмъ, что будемъ имѣть сами. А вотъ и наша свита! Она будетъ насъ сопровождать... Ты согласна?

При этихъ ея словахъ послышались флейты и трубы, заиграла музыка и засверкали огни. Громадная свита, одѣтая такъ роскошно, что сразу сдѣлалось какъ-то свѣтлѣе отъ блиставшихъ на ней золота и драгоценныхъ камней, подъѣхала въ открытыхъ экипажахъ, покрытыхъ позолотой и запряженныхъ бѣлоснѣжными лошадьми. Первый и самый лучший изъ экипажей былъ пустъ. Старуха взяла Добрушу за руку, подвела ее къ нему и усадила ее на главное мѣсто. Собака вспрыгнула въ тотъ-же экипажъ и усѣлась напротивъ. И, какъ только всѣ они заняли мѣста, случилась вдругъ странная, чудесная перемѣна: сгорбленная, противная старуха превратилась вдругъ въ прекрасную молодую принцессу, а лохматая, некрасивая собака—въ очаровательнаго черноволосаго принца, одѣтаго въ богатый костюмъ изъ пурпура и серебра.

Экипажъ двинулся впередъ. Молодая дѣвушка смотрѣла то на принца, то на принцессу, не вѣрила глазамъ и отъ удивленія не могла ничего говорить.

— Не бойся, дѣвушка! обратилась къ ней принцесса.—Мы оба изъ волшебной страны фей. Нѣкоторые изъ насъ держали между собой пари: найдется ли еще въ нашемъ вѣкѣ среди людей хоть одинъ добрый, самоотверженный и безропотный человекъ, и вотъ такую

оказалась ты. Чтобы это проверить на дѣлѣ, мы превратились въ старуху и собаку и долгое время назойливо отнимали у тебя твой послѣдній кусокъ хлѣба. Но ты скоро будешь за это вознаграждена. Не удивляйся-же, моя родная, дай сюда твою ручку и будь мнѣ милой и искренней сестрой.

Скоро экипажи приѣхали въ такую удивительно-роскошную страну, какой Добруша не видала даже во снѣ. Росли диковинныя деревья, пѣли невиданныя прекрасныя птицы и всюду били радостныя фонтаны и мелкою, радужною пылью разбрасывали свои брызги по сторонамъ. Цвѣли душистые цвѣты и свой нѣжный аромат изливали далеко вокругъ себя и то здѣсь, то тамъ, въ мягкой, густой травѣ, перескакивая съ уступа на уступъ, бѣжали кристаллыя, прохладныя ручьи.

И вдругъ сквозь листву деревьевъ мелькнули окна красиваго дворца. Экипажи подъѣхали къ нему, и изъ его крыльца тотчасъ же выскочили лакеи и стали почтительно высаживать изъ нихъ приѣхавшихъ. Загремѣла музыка, забили барабаны. Въ сопровожденіи своей блестящей свиты принцъ и принцесса вошли во дворецъ и ввели съ собою скромную, бѣдно-одѣтую гостью. Они ввели ее въ отдѣланную слоновою костью комнату и нарядили ее въ свѣтло-зеленое бархатное дорогое платье и цѣлые семь дней затѣмъ продолжались празднества и танцы. А когда они окончились и гости стали уже разъѣзжаться по домамъ, то принцъ и принцесса позввали къ

себѣ Добрушу и насыпали ей въ карманы полныя горсти червонцевъ и драгоценныхъ каменьевъ. Затѣмъ они приказали нагрузить цѣлыя телѣги всевозможными матеріями и нарядами и пожелали ей счастливаго пути. Былъ поданъ ко крыльцу роскошный экипажъ, запряженный шестеркою бѣлыхъ лошадей, Добруша сѣла въ него и помчалась къ себѣ домой.

— Спасибо тебѣ! кричали ей вслѣдъ принцъ и принцесса.—Мы не забудемъ твоей доброты и отзывчивости никогда.

Въ это время богатый дядя со всей своей семьей садился у себя дома за ужинъ. Зашелъ разговоръ о Добрушѣ и всѣ рѣшили, что она никогда уже больше не возвратится

Какъ вдругъ послышались звуки рожка и бубенъ, раздались топотъ и ржаніе лошадей и кто-то постучался въ ту черную, кухонную дверь, въ которую входила когда-то и старуха. Судомойка побѣжала ее отворить и такъ и остолбенѣла отъ восторга. Передъ нею, вся блестя золотомъ и сверкая брилліантами, стояла возвратившаяся Добруша. Тотчасъ-же и экипажъ отѣхалъ прочь и скоро скрылся изъ виду. Добруша подошла къ дядѣ, къ тетѣ и къ двоюроднымъ сестрамъ, крѣпко обняла ихъ и поблагодарила ихъ за пріютъ. Теперь ужъ они не рѣшились больше заставлятъ ее мыть посуду и спать на чердакѣ на заднемъ дворѣ, да и она скоро уѣхала отъ нихъ, вышла замужъ и стала жить, поживать и наживать добра.

Т. К.

ГОЛОВОЛОМКИ.

I.

Что деревянное нельзя ни рубить, ни пилить?

II.

Кто ходитъ, а передвинуться изъ одной комнаты въ другую самъ не можетъ?

III.

Задуманы три слова, означающія:

1. Вкусное печенье изъ муки, масла и варенья.

2. Человѣка, оберегающаго имущество отъ воровъ.

3. Одну изъ игральныхъ картъ.

Взять отъ первыхъ двухъ словъ по первому слогу и отъ третьяго— послѣдній и составить изъ этихъ

словъ новое слово, которое означаетъ огнестрѣльное оружіе.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

IV.

Задуманы два слова, означающія:

1. То, что есть на каждой колокольнѣ.

2. То, что бросаютъ собакамъ.

Взять отъ перваго слова послѣдній слогъ и приставить ко всему второму слову, но такъ, чтобы получилось новое слово, означающее то, что каждому изъ насъ неприятно выслушивать.

Какія слова задуманы и какое это новое слово?

Рѣшеніе головоломокъ и ребуса, помпценныхъ въ № 15 „Золотого Дѣтства“.

Головоломки: I) По воздуху. II) Кинематографъ (графинь, фарфоръ, комета, контора, тараканъ.) III) Корова, лошадь, дача = колода. IV) Облако, шило, соколъ = колоколь. V) Малина, корова, ребро, нитка=макарона. VI) Бѣда, колъ пироги начнетъ печи сапожникъ, а сапоги тачать пирожникъ.

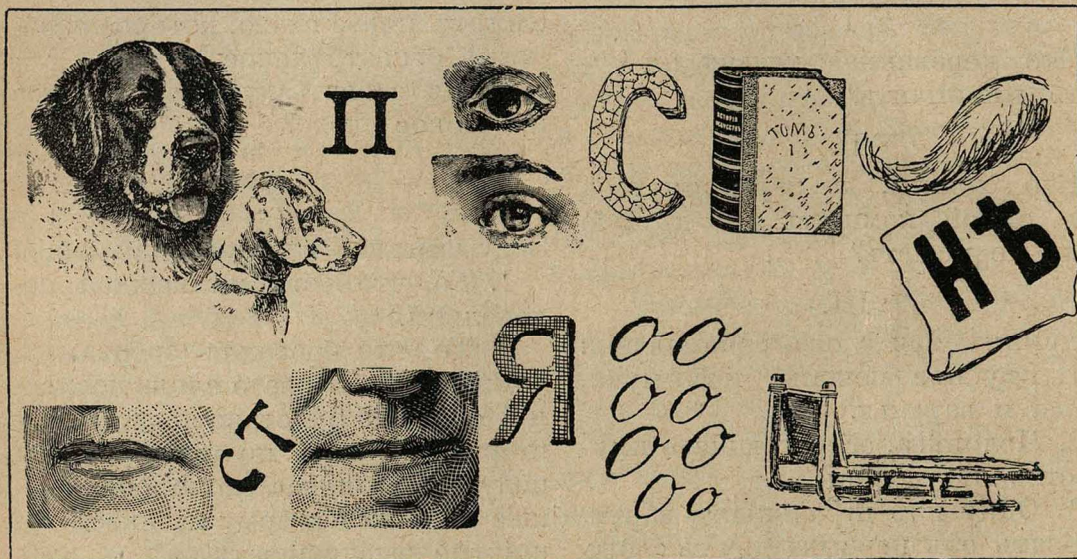
Ребусъ. На рѣзкомъ вѣтру было трудно стоять.

Вѣрные рѣшенія прислали: Сима Важинскій, Мура и Павликъ Соловьевы изъ Пскова. Ваня и Соня Семкины, Ира Николаева изъ Швейцаріи, Нина и Оля Король, уч. I кл. Пирогова, Лиза, Вува и Толя Фаасъ, Варя Наумова въ СІВ. Вася Розенбергъ, Ольга Путиловская, Леонардъ и Эдгаръ фонъ-Рихтеръ. Станиславъ Маркевичъ, Нина изъ Юнакова, Вова Федоровъ изъ Минска, Нина и Шура Проскуровы и ихъ дядя Сережа, Нина Терещенко, Надя, Дора и Нина Люстернякъ, Тамара, Сережа Стратоновичъ, Таня и Алеша Неллингеръ, Сережа Эппель, Аля Быкова, Варя Кобылинская, Серега, Игорь и Лина Халтурины, Бабочка Жинкина, Алигъ и дядя Чижевскіе, Володя Редезь, Надя, Коля, Коля, Леля, Вова Крымовы, Галя Ратобольская, Игорь со ст. Зуевка, Степа и Вѣра изъ Царскаго Села, Вѣра и Борисъ Антоновы, Таня.

Витя и Шура Духовскіе, Аня и Володя Оловениковы, Борисъ Скоблинъ и Анатолій Стратонитскій, Яша Аюпянцъ, Петя, Люся Бабанины, Жена Ревенко, Василий Кудряшовъ, Валентинъ Макриничъ, Броня и Лина Реутовы изъ с. Куртамышъ, Марина Данилова изъ Москвы, Зоя и Ревекка Березанскія, Муся Ливерова, Шура и Маня Тропскія, Аня Крымъ изъ Θεодосіи, Зоя Малиновская, Зиночка Казанская, Тася Долганова изъ Новгорода, Люля Владыкина изъ Балаклавы, Александръ Бабаловъ, Кира и Таня Орловскія изъ Бердянска, Петя и Геня Кузнецовы, Катруся Опешко, Маня и Леша Рябцевы, Вѣра Наумова, Л. Серебровская, Константинъ Филиповскій, Шура Филиповъ изъ Каменской, Алеша Текучевъ, Вени и Тамара изъ села Боброва, Валя и Шура Сиротины, Подписчикъ № 57 на открыткѣ съ видомъ „Дюны“, Саня, Володя, Павлуша, Вѣра и Люся Никольскіе, Шурочка, Няночка, Лиденька и Серафима изъ Ржева, Нюра и Федоръ Молчановы изъ Гостилицъ, Авраамчикъ Шабаташъ, Ваня, Сережа и Дуня Скворцовы, Лиза и Юля Добротворскія, Володя Лопатинъ, Шура и Володя Фомины изъ Щигровъ, Юлій, Лида, Нина и Лариса Серебровскіе, Жоржикъ, Ваня и Вѣра Варсоба, Гриша и Зента Шмидтъ, Шурикъ и Надя Кононовы, Нина Селифонтowa, Алеша и Раиса Алейниковы.

Ребусъ № 17.

(Фамиліи подписчиковъ, вѣрно рѣшившихъ головоломки или ребусъ, будутъ напечатаны).

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Лучшій подарокъ для дѣтей!

«ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО» за истекшій годъ со всѣми приложеніями въ красивомъ коленкоровомъ переплетѣ по 3р. 65 к. за экз.; безъ переплета — по три рубля за экз. За пересылку по разстоянію. (Въ Европейской Россіи и на Кавказъ—по 45 коп. за экземпляръ).

Высылается наложеннымъ платежомъ.
**МОЖНО ВЫПИСЫВАТЬ ОТКРЫТЫМЪ ПИСЬМОМЪ
 ИЗЪ РЕДАКЦІИ „ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“.**

С.-Петербургъ, Каменноостровскій просп., 26.

Продается во всѣхъ лучшихъ книжныхъ магазинахъ С.-Петербурга.

Годъ изданія шестой.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА
на

художественно-литературный журналъ
для дѣтвей (7—12 лѣтъ)

„ЗОЛОТОЕ ДѢТСТВО“

Подписной годъ съ 1-го Ноября.

Выходитъ два раза въ мѣсяцъ (24 номера въ годъ) подъ редакціей М. П. Чехова.

При каждомъ номерѣ приложенія: картонажи для склеиванія, игры, домики, занятія и т. п.

Редакція обращаетъ вниманіе главнымъ образомъ на художественность и тщательно подобранное содержаніе «Золотого Дѣтства».

ПОДПИСЧИКИ ПОЛУЧАТЪ:

- 24 НОМЕРА журнала «Золотое Дѣтство», въ красивыхъ обложкахъ, отпечатанные на лучшей бумагѣ, со множествомъ художественно-исполненныхъ рисунковъ.
- 24 ПРИЛОЖЕНІЯ ДЛЯ СКЛЕИВАНІЯ (игры, домики, научныя развлечения и проч. и проч.).
- 12 ВЫРЪЗНЫХЪ ВЫКРОЕКЪ для дѣтскихъ костюмовъ. Каждая мать сможетъ одѣть по нимъ своего ребенка дома, безъ помощи портнихи.

Книгу „АНГЛІЙСКІЯ СКАЗКИ“.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой:
на годъ 3 р. 80 к.

Подписка принимается для иногороднихъ подписчиковъ въ Редакціи журнала «Золотое Дѣтство», С.-Петербургъ, Каменноостровскій проспектъ, 26 и для городскихъ подписчиковъ въ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ Петербурга.

3 р. 80 к.

За перемѣну адреса—28 коп. почтовыми марками.

Редакторъ-Издатель М. П. ЧЕХОВЪ.

Очень рекомендуется!

Книга для дѣтей

„Дружокъ и Томка“.

Повѣсть съ иллюстраціями.

Цѣна 40 коп.

Съ пересылкой 55 коп.

Выписывать изъ Редакціи журнала „Золотое Дѣтство“.

С.-Петербургъ, Каменноостровскій, 26.

Книга эта будетъ прочтена дѣтьми съ захватывающимъ интересомъ.